

*Синий свет в коридоре больничном,
лунный свет за больничным окном...*

Борис Рыжий

Шел, по словам бабушки, мой последний вольный год. На дворе стоял трескучий декабрь и до поступления в первый класс, по детским меркам, было еще ой как далеко. Однако в отличие от бабушки, мне это время почему-то вовсе не казалось таким уж вольным. Наоборот, я чувствовала себя тряпичной куклой в чужих руках, которую постоянно заставляют делать то, что совершенно не нравится, а по большому счету бессмысленно и никому не нужно.

Вот, например, чего стоила новая прихоть мамы: ребенку нужно заниматься спортом. Я такой необходимости вовсе не испытывала. С каким наслаждением сидела бы в «кукольном закутке» и рисовала, общалась со своими «живыми» игрушками, мечтала. Но не тут-то было. «Она у вас полная, малоподвижная,

замкнутая», — пригвоздила очередная грубая врачиха, из тех, которым мама меня беспрестанно зачем-то «показывала». Целеустремленная родительница тут же записала меня на лечебную физкультуру, к логопеду, а что самое страшное — на фигурное катание, которое я люто возненавидела с самого первого занятия. Не то чтобы я не любила именно этот вид спорта, нет, скорее не понимала, что может быть общего с ним у меня.

Никогда не смогу забыть, как меня, сторающую со стыда, завели в класс, где высокие длинноногие дети занимались хореографией. Девочки были одеты в настоящие гимнастические купальники, а меня вытолкали на всеобщее обозрение в обычной маечке и трусишках, в коих я только что спала на тихом часу в детсадовской кровати. Преподавательница говорила непонятные слова «батман тандю», «гранд плие», выворачивала мне ступни, пытаясь поставить в первую позицию. Все смотрели на это с саркастическим недоумением, а я проклинала себя за неуклюжесть, медлительность и неспособность запомнить элементарного. Я, кажется, готова была бы сделать все что угодно, только никогда больше не появляться под прицелами этих насмешливых глаз. Но спорить с мамой было совершенно бесполезно, семья послушно повиновалась ее руководству. Вскоре меня поставили на коньки, гоняли по стадиону, заставляли играть в футбол на раскаленном асфальте, бегать марафон в лесном пригороде. Водить ребенка на все эти «активности» предстояло, конечно, не маме, а бабушке, на чьи плечи в конечном счете обычно и падали заботы по реализации маминых фантазий.

Помню, словно это было вчера: мы возвращаемся с бабушкой в переполненном автобусе, она везет меня к себе с ненавистного «фигурного». Я с интересом разглядываю перемерзшие белые окна, которые стужа разрисовала разлапистыми пальмовыми ветвями и махровыми тропическими лианами. В теплом дедушкином доме, куда мы направляемся, окна, конечно, не такие белоснежно-пушистые, как в общественном транспорте. Но мы с бабулей навырезали из салфеток разноразмерных снежинок и облепили ими стекла, включая трельяж, даже на круглое зеркальце над умывальником поместились две самые маленькие. В снях скромно дожидается праздника перевязанная бечевкой елка.

Дед Мороз, наверное, принесет мне множество подарков, среди которых не только апельсинки и конфеты, но и настоящие школьные принадлежности, неизменные атрибуты загадочной взрослой жизни. Стоило мне лишь блаженно погрузиться в предновогоднее настроение, как обратно в реальность резко выдернула настойчивая просьба: «Девочка, передай на билет!» Незнакомая взрослая рука откуда-то сверху протягивала мне медный пятак.

Я не привыкла, чтобы взрослый человек повторял мне дважды, поэтому молниеносно стянув зубами толстую vareжку, схватила монетку и передала ее дальше по салону. Бабушка сдавлено охнула и встряхнула меня за плечо: «Да ты что ж грязную рукавичку в рот тащишь?! Всю заразу, наверное, собрала!» Я нисколечко не смутилась. Наоборот, изобразила независимый вид, будто ничего страшного не произошло, типа да я так постоянно делаю. На самом деле мне уже давно хотелось провернуть этот финт, подсмотренный у кого-то из отъявленных озорников подготовительной группы. Представился удобный случай, и я с удовольствием собезьянничала заливхватское срывание vareжки зубами на глазах публики. Конечно, мне было прекрасно известно, что нельзя облизывать грязные вещи, но ведь порой в душах даже самых затюканных тихонь зреет показной бунт, демонстрация непослушания и своеволия. При маме я бы такое не рискнула демонстрировать, но зная бабушкину слепую, безграничную всепрощающую любовь, была уверена в полной безнаказанности.

Однако кара настигла меня тем же вечером. Вернувшись в уютный маленький домик в частном секторе, я вдруг приуныла. Неожиданно для себя отказалась от разваристой пшенной каши с сочной котлеткой, которые бабуля готовила всегда так вкусно, что они просто таяли во рту. Густым сладким киселем из черной смородины меня тоже соблазнить не удалось. Старики не на шутку встревожились, ведь начиная с самого раннего детства, внучка никогда не страдала отсутствием аппетита, привычно заедая недостаток материнский любви и собственную неуверенность. Тревога переросла в панику, когда я, надолго оседлав горшок, разразилась безудержной рвотой. Бабушка, надеясь справиться домашними средствами, поила меня

терпким отваром гранатовых корочек и заставляла пить красивый на вид, но весьма противный на вкус розовый раствор марганцовки. Ничего не помогло, меня начала трепать безжалостная лихорадка.

Я лежала под тремя стегаными одеялами, трясясь в нещадном ознобе, и умоляла бабушку накрыть меня еще чем-нибудь. Все суставы крутила и выворачивала тупая боль. Временами мне становилось нестерпимо жарко, и я скидывала душные ватные сугробы, пытаюсь сорвать с себя и промокшую насквозь ночную рубашку. Сквозь накрывающее забытье я слышала, как торопливо одевается дедушка, как достает из буфетного ящика старый фонарик.

Я знала, что при любой страшной беде необходимо нестись через три неосвещенные улицы к телефонной будке. Так уже случилось однажды, когда дед обварил ноги кипящим борщом. Мы побежали вместе с бабушкой к облезлой красной кабинке. Правда, в тот раз телефон оказался испорчен местными хулиганами, вместо трубки торчал лишь вытянутый металлический провод. И нам пришлось поспешить к остановке, ехать в пункт скорой медицинской помощи и там почему-то долго с кем-то ругаться, умолять и рыдать. Я мало что понимала тогда, а плакала просто за компанию с бабушкой.

Вот и в этот раз дедушка поторапливался, собираясь вызывать не столько скорую помощь, на которую в нашей глухомани всегда мало надеялись, сколько Толика, моего отца. Обычно эти два понятия – Толик и скорая помощь – ходили рядом и означали почти одно и то же. (У мамы на протяжении всей совместной жизни с отцом, а это, на минуточку, почти шестьдесят лет, все проблемы решались при помощи одного лишь волшебного слова: «Толиик!»). К слову сказать, на Толика уповала не только семья, но и вся наша округа куда больше, чем на неприступную поликлинику. Чаще всего папа являлся на выручку быстрее, чем разбитый больничный тарантас, что едва продирался по кривой неасфальтированной улочке.

Я приоткрыла глаза. Изученный вдоль и поперек неровный белёный потолок надо мной вдруг стал, навязчиво мерцая, вытягиваться вверх, уходя в черный космос длинным узким коридором.

Его голубоватый холодный свет был точно таким, как тот, что льется из длинных ламп для обязательного кварцевания палат в папином отделении. Однажды, когда он вел меня за руку по длинному больничному коридору, я видела, как пациенты, накрыв лица полотенцами, лежали оголив резанные животы. Они подставляли волшебному целительному свету свежие бордовые швы с торчащими из них жесткими, словно проволока, нитками, которые делали эти шрамы похожими на гигантских ошестинившихся многоножек.

Видимо, в тот день меня снова некому было «сунуть». Мама уставала от студентов: очников, заочников, практикантов. Де-душка на больных негнущихся ногах обрабатывал два огорода: в усадьбе и на даче. Без расчета на урожай и домашнее консервирование семья выжить не могла. Бабушка работала днем — у раскаленной печи в детсадовской столовой, ночью там же — нянечкой. Садик был круглосуточный. Но в нем, несмотря на все старания родственников, я не прижилась. Неотрывно глядя в окно, рыдала без остановки, пока не лишалась голоса, отказываясь от общения, и на воспитателей действовала крайне раздражающе. Однако перед школой мама, не глядя на мое отчаянное сопротивление, все же отправила меня «в общество». Словно уже так много лет прошло с тех пор...

Теперь же я лежала, уставясь в потолок, который вдруг, ни с того ни с сего, ожил, задышал, заохал, заclubились на нем белые туманные вихри. Видя, как необычно ведет себя знакомая комната, вытягиваясь и пульсируя, я попыталась позвать на помощь, но не услышала своего голоса. Зато бабуля тут же выглянула откуда-то сверху. Чувствуя, что меня засасывает в узкий голубой коридор, я схватила ее за руку:

— Баб, держи меня, держи, а то улечу.

— Я тут, доча, держу-держу.

По краям моего постельного гнезда вздымались надутые сугробы одеял и подушек, пенными горами они налезали на меня, видимо, желая проглотить. Я, казалось, окукливаюсь, как гусеница, вознамерившаяся стать свободной бабочкой. Но вдруг стала крутиться вокруг своей оси все быстрее, быстрее, быстрее, наматывая на себя забытье и безвременье. Словно шустрая

неугомонная веретёшка, что накручивает на себя суровую нить, прыгая и постукивая по широким половицам. А бабушка все вытягивает и вытягивает своими маленькими, почти детскими пальчиками, скручивает серую жилку из овчинной кудели с кисловатым животным запахом. Завертелось с тихим скрипом колесо деревянной прялки, завертелось так быстро, что слилось в одно серое живое пятно и растаяло в неумолимо расширяющемся пространстве.

Очнулась я только в салоне неотложки на папиных руках, укутанная, словно младенец, во что-то невыносимо жаркое. Очень хотелось пить. Машина то буксовала в снежных заносах забытой Богом глухомани, то, выехав на трассу, вдруг начала резко подпрыгивать на ледяных колдобинах.

— Везите в нашу инфекционную. Они как раз сегодня по городу дежурят, — повелел папа своим обычным спокойным уверенным голосом, и я поняла, что теперь непременно все будет хорошо.

Оформили меня быстро. Единственное, что насторожило и обеспокоило, — настойчивый и явно нездоровый интерес дородной тетеньки из приемного покоя к цвету моего стула. Стульчик у меня был маленький, удобный, сделанный дедушкой собственноручно, ошкуренный, без единого заусенца и выкрашенный в красивый светло-голубой цвет. И я ни за что на свете не хотела бы отдать мой любимый стульчик чужой неприветливой женщине.

Палата, в которой мне предстояло провести неопределенное время, была просторной, но уж очень какой-то неуютной, необжитой. Даже нарисованная аляповато яркими пятнами на стене Дюймовочка, сидящая на листе кувшинки, не спасала положение и смотрелась в окружении убогой серости нелепо и одиноко. Когда после тяжких очистительных процедур капельниц и уколов я проснулась утром в незнакомой комнате, то тут же почувствовала себя беспомощным насекомым, накрытым сверху граненым стаканом. Так дедушка однажды поймал осу, случайно залетевшую в дом. Она то растерянно ползала по стенам тюрьмы, то временами принималась бунтовать: билась в невидимую преграду с возмущенным

жужжанием. Так и я вдруг оказалась внутри прозрачной неволи — стены палаты по большей части были стеклянными. Словно огромные витрины выходили в длинный больничный коридор и в такую же соседнюю палату.

Все здесь было странно устроено: засилье белого цвета кругом, отстраненность людей, делающих свою работу механически, как роботы. Открыв глаза, я лежала в чужой неудобной кровати и прислушивалась. Никто не спешил ко мне с объятиями, никто не подгонял к умывальнику, не торопился накрывать завтрак. Я почувствовала себя брошенной и забытой, решив, что от меня избавились, как от сломанной игрушки. Но впереди ожидало кое-что похуже одиночества.

Где-то прямо надо мной раздались смешки и стук. Несколько круглых мордашек с любопытством глазели через стекло из соседней палаты. В отличие от моей одиночной камеры, там все лежачие места были заняты. За стеклом, как в клетке зоопарка, прыгали, шумели, дрались и вообще не сидели на месте шестеро мальчишек примерно моего возраста. Лишь один был значительно младше. Его постоянно обижали и дразнили детдомовским. Единственным спасением от этой банды было сесть на кровати, прижавшись спиной к стене, тогда им было меня не видно. Поэтому поколотившись какое-то время в стекло, они теряли интерес и переключали внимание друг на друга, что неминуемо приводило к новым потасовкам и громкому реву. Вот, наверно, тогда, спасаясь от назойливого внимания, я научилась уходить в себя, так глубоко, что начинала видеть, слышать и выстраивать свой мир.

Иногда ко мне приходил папа. Я ждала от него чего-нибудь вкусненького, так как есть хотелось зверски. Но он каждый раз приносил мне новую книжку и вдобавок поделку из старых капельниц: рыбку, чертика или осьминожку, которые жили теперь в ящичке облупленной белой тумбочки. Папа вплывал в палату шикарным белоснежным теплоходом и, казалось, почти доставал до потолка высоким накрахмаленным колпаком-трубой. С его появлением пустая просторная палата отчего-то съеживалась, становясь меньше, уютнее, словно наполняясь и обнимая нас.

Почему-то дома он не производил такого эффекта и вообще казался другим, словно был гостем, который не может дожидаться, когда же наконец покинет чужие стены и отправится восвояси. Он словно становился ниже ростом, сгибаясь под нескончаемыми мамиными упреками, мол, жить не умеешь, ни связей ни блага, другие вон с работы несут, а этот последний градусник для чужих людей из дома упер. Действительно, жили мы всегда трудно, папа не вылезал с дежурств. Каждый раз он был вынужден по много часов стоять у операционного стола, возвращался с опухшими ногами. (В чем-то мама была права, ведь проработав заведующим хирургией до восьмидесяти лет, он не сумел заработать даже на приличный автомобиль). На все мамины выпады отвечал с какой-то по-детски блаженной полуулыбкой: «Я взятку не беру, зато сплю спокойно». За что и получил домашнее прозвище — князь Мышкин несчастный, произносимое мамой с неизменной горькой досадой. По злой иронии, то, что отец на самом деле происходил из княжеского рода, мы узнали гораздо позже. Его мать, всю жизнь боявшаяся любой власти, призналась только перед самой своей смертью, показав драгоценный кулон с царским вензелем Николая Второго, который сохранила даже в самые отчаянные и голодные годы.

За всю жизнь можно было по пальцам пересчитать те праздники, в особенности новогодние, когда папу в экстренном порядке не вызывали спасать очередного резаного-стреляного, пострадавшего в угаре беспощадного русского веселья. Это было очень удобно, во-первых, мы жили через дорогу от его больницы, а во-вторых, у папы была первая положительная группа крови, которая, как «живая вода», подходила абсолютно всем, поднимая на ноги самых безнадежных пациентов.

Так как папа буквально жил на работе, то и мне уже не раз удалось побывать в «его царстве», в котором обитали улыбочивые нежные «сестрички», высокие богоподобные мужчины с сильными руками, где все — до санитарки и гардеробщицы — знали, чья я дочь. Именно по этой причине, стоило мне лишь переступить порог папиной больницы, как я ощущала всеобщее внимание, словно наследная дочь короля. Нигде и никогда больше я не испытывала ничего подобного.

Вспоминается, как в один из таких присутственных дней, папу срочно вызвали в операционную, и он поручил нянчиться со мной молодому интерну. Надежная отцовская спина уплывала в сияющий стерильный инопланетный мир. Острые голубые росчерки чудесных обеззараживающих лучей сопровождали его движение, ложась на одинаковые белые квадратики кафельных плиток, которыми были выложены не только стены и пол, но и высокие потолки.

Юный доброхот решил, что дочке начальника не помешает знать, где работает ее родитель. Он подвел меня к стеклянным иллюминаторам операционной. Но я увидела лишь несколько согбленных спин в одинаковых бирюзово-зеленых костюмах. Ослепительный белый свет лился сверху из небольшой летающей тарелки, что зависла непосредственно над столом, перед которым согнулись «зеленые человечки», производя над жертвой непостижимые инопланетные эксперименты. Даже здесь, за дверью странного помещения, чувствовался тошнотворный запах хлора, железа и едких медикаментов. Клоны-андроиды приглушенно-отрывисто переговаривались на «марсианском» языке, отчего-то дублируя каждую фразу.

Вдруг небольшой мясной кусок плюхнулся в таз, стоящий на полу. Вид окровавленной емкости, полной плавающих в ней ошметков человеческой плоти, напугал меня до полусмерти. Мне стало дурно и отчего-то невыносимо тоскливо.

Ужаснувшись моей внезапной бледности, юный медик выволок совершенно обессиленную зрительницу на общий балкон. Потом, когда я чуть отдышалась, повел смотреть на пузатых красных рыбок с вуалевыми хвостами, что плавали в небольшом каменном бассейне в рекреации хирургического отделения. Папе о своих впечатлениях я не сказала тогда ни слова. Но вывод был очевиден: со столь легкоранимой психикой я вряд ли смогу продолжить врачебную династию, о которой он всегда мечтал. Благо сестра Нина, до рождения которой оставалось тогда совсем недолго, оказалась именно того покроя и ранга, что позволяет, не размениваясь на артистические эмоции, принимать правильные решения и, копаясь в тончайших внутренних органических мембранах, спасать человеческую жизнь.

Мне кажется, она от рождения обладала всеми качествами, для того чтобы стать хорошим врачом, и стала им. Папин Божий дар, способность воскрешать почти из мертвых, не пропал и получил дальнейшее развитие.

Но это будет потом, гораздо позже, а пока я сидела на больничной кровати в палате детского инфекционного отделения и с жадным интересом рассматривала тонкие книжки с картинками и крупным шрифтом. Кажется, это были произведения Николая Носова «Живая шляпа» и Виталия Бианки «Синичкин календарь». Еще прошлым летом папа записал меня в детскую библиотеку имени Корнея Чуковского. Помню, что нам там были чрезвычайно рады. Мне было пять, и читать я толком не умела, хотя с увлечением списывала увиденные слова в свой блокнот, с которым не расставалась.

Среди книг, что мы взяли в библиотеке, врезалась в память одна в зелено-черных разводах на обложке, на пористой желтоватой бумаге. Называлась она «Сказка о заводной лягушке» и принадлежала перу Василия Нечунаева, классика алтайской детской литературы. Папа поставил сложную задачу и решил во что бы то ни стало научить меня чтению до поступления в первый класс. Я уже и тогда могла читать простые слова по слогам, но в мини-поэме про лягушку каждый раз натыкалась на совершенно непреодолимые преграды из малопонятных терминов, таких как: пучеглазая, по-нарошку, из заграницы, земноводные. К каким только ухищрениям ни пришлось прибегнуть бедному папе, чтобы заставить меня продирааться сквозь темный и дремучий стихотворный лес.

Эх, как же хорошо было раньше, когда он брал в руки книгу и, например, читая сказы Бажова, начинал изображать всех персонажей, меняя под них голос и мимику. Это был настоящий моноспектакль. Так, проигрывая передо мной сказку «Каменный цветок», он не только озвучивал героев, но и пел за хор, как на одноименной пластинке, «Чудится — не чудится, хозяйка идет...» Сердце замирало от надвигающейся волнующей атмосферы почти настоящего театра, несмотря на то, что и книга, и пластинка были уже выучены почти наизусть.

С самостоятельным чтением дело обстояло гораздо хуже. Продвигались мы медленно. Самым трудным было преодолеть

первые строки, особенно не давалось словечко «неправдашной», смысл ускользал от меня, а буквы разбегались:

У меня была игрушка —
Пучеглазая лягушка.
Хоть неправдашной была,
Хоть не ела, не пила,
А скакать умела.
Скок-поскок да скок-поскок.
От стола да под порог,
От порога да к столу.
Вдруг присядет на полу
И поглядывает, ждёт,
Кто пружинку заведёт...

Мы читали с папой по очереди, я — две строчки, а он — все остальное на странице. После каждого совместно прочитанного отрывка, выясняли, о чем же там говорилось. Чтобы как-то уже завершить трудоемкий процесс, мне был обещан поход в парк и катание на аттракционах. Худо-бедно, но после трехдневной борьбы мы «победили» нечунаевскую лягушку. Запомнилось сие событие на всю жизнь как преодоление задачи невероятной сложности.

Конечно, в тот момент я и представить себе не могла, что буду тесно общаться с автором первой в жизни прочитанной книги. Вспоминается, как практически каждое мое рабочее утро в качестве помощника руководителя писательской организации начиналось с телефонного звонка классика детской литературы. Скрипучий голос с характерной хрипотцой с энтузиазмом сообщал мне ежедневно примерно одну и ту же «новость»:

— Юля, здравствуй! Вот послушай, какой я сегодня стишок сочинил...

Дальше Василий Маркович, невзирая на мои слабые отговорки, что, мол, «работы много, может, в следующий раз...», начинал с упоением читать свежую потешку про кого-нибудь из наших общих знакомых. Преимущественно героями его произведений становились, естественно, известные в крае писатели. Например:

Ваня, Ванечка Мордовин¹ —
Мастер всяческих штуковин...

Мы, как только забузим,
Байбузим² и байбузим...

Думаю, что эти простенькие стишки-дразнилки понравились бы мне куда больше, чем тот самый первый и самый сложный в моей биографии текст. Поэма живописала трагедию невероятного для моего пятилетнего разума масштаба: заводная лягушка ускакала на настоящее болото, а там земноводная братия во главе с заносчивой Жабой Жабовной отвергла несчастную мигрантку. Уже тогда мне, малолетке, хотелось читать другую книгу – о волшебных приключениях, о какой-то невероятной верной любви. Да, прав мой муж, говоря, что девчонки, еще сидя на горшке, начинают мечтать о замужестве.

Взаперти больничного одиночества я вдруг стала сочинять для себя такую книгу. Мне представилось местечко, где я всегда была счастлива — бабушкин огород. Полосатые домотканые половички на крышке погреба. Тут же со мной мои верные друзья — бархатная обезьянка Джоконя, белый медвежонок Умка, темнокожая кукла Нэнси. Сухой ветерок колышет душистые листья помидоров, хлопает в широкие зеленые ладоши огуречная лиана. Рядом прохладные даже в самый солнечный день бочки, полные воды для полива. В жару можно прыгнуть в воду и пригнувшись посмотреть из сумрачного бака на высокое небо, представляя себя русалкой, случайно заплывшей в чужую человеческую стихию.

Да, именно оттуда, из таинственного бака, тревожно пахнущего диким озером, должен вынырнуть мой герой — веселый

¹ Иван Фёдорович Мордовин – поэт, редактор, верлибрист, член Союза писателей России.

² Здесь имеется в виду поэт Николай Сергеевич Байбуза, т. е. интерпретация фамилии Байбуза (*прим. ред.*).

и обаятельный мальчик, красивей которого нет на всем белом свете. Он самый верный, самый лучший друг и мы обязательно поженимся, когда вырастем. Он позовет меня с собой, я буду держать его за руку, ничего уже не будет страшно. Мы нырнем в прохладную мутную глубину, а вынырнем на белом песчаном берегу далекого синего-синего, невероятно синего моря.

Мой друг живет в уютной пещере на таинственном необитаемом острове, ну а где же еще он может жить, конечно же, только там. Мы идем вдоль пляжа, и на песке остаются только наши следы. Очищенные добела волнами и ветром гладкие коряги на прибрежной полосе похожи на переплетенные человеческие руки. Мы входим под зеленый шатер чащи, где переговариваются невиданные птицы в праздничном оперении, вовсе не похожем на серые нищенские одежки наших воробышков. Темные пятна теней зыбко дрожат, делая узкие тропинки меж зарослей живыми мерцающими ручьями света. Уютные каменные своды впускают нас. И ту-ут, не успели мы еще согреться и обсохнуть, как начинается тако-ое, тако-ое... нечто страшное, необъяснимое, и справиться с этой бедой мы сможем только вместе.

Судорожно пытаюсь записать, зарисовать в блокноте то удивительное видение, что открылось мне, схематично набрасываю план острова, интерьер жилища, портрет моего таинственного друга.

Вдруг омерзительный скрип двери грубо вырывает меня из зачарованного царства и кидает на казенную кровать одинокой палаты детской инфекционной больницы. Входит дама с высокой прической, которую часто поправляет длинными изящными пальцами с безупречным кроваво-красным маникюром. Это папина знакомая, по его просьбе посещает меня каждый вечер перед сном. Папа называет ее сестра-хозяйка, наверное, она сестра Хозяйки Медной горы, вот и перстень у нее на пальце, как застывший желтый глаз дракона. Говорить мне с ней абсолютно не о чем, я послушно отвечаю на дежурные вопросы и терпеливо жду, когда она уйдет.

Каждый раз дама с неподдельным изумлением внимательно рассматривает меня и говорит вкрадчиво. Я уже знаю этот взгляд и подход в диалоге, точнее, начинаю с ними свыкаться. Означают

они примерно такой ход мыслей собеседника: «Боже! И это у такого красивого отца, статного брюнета и умницы, и вдруг столь неказистая дочь! И в кого только уродилась?!»

— Ну, что? Скучаешь тут? — словно беседуя с каким-то другим, невидимым собеседником, а вовсе не со мной, интересуется высокая дама.

Я искренне, до глубины души удивляюсь, как объяснить этой чужой тетеньке, что как раз до ее визита я была там, в волшебном мире, в пылу надвигающихся приключений, где меня ждут и осталась куча незавершенных дел, а заскучала именно с ее появлением.

— Ну и чем ты тут занимаешься? — высокая дама мучительно пытается придать своему лицу участливое выражение.

Я не умею обманывать взрослых, ведь они всевидящи и всемогущи! Ах, как же долго, непростительно долго я не могла расстаться с этим глупым предрассудком. Мне не сразу удастся сформулировать род моих занятий, подыскиваю слова. Чем же я только что на самом деле занималась? Как это назвать: мечтала, гуляла в мыслях, записывала и зарисовывала фантазии. Возможно ли растолковать другому человеку все то чудесное, что происходит со мной, то, что я сама еще до конца не осознаю? Наконец, мне удастся примерно определить мое удивительное одновременное существование сразу в двух мирах:

— Я книжку пишу, — смущенно шепчу я, мечтая побыстрее избавиться от посетительницы.

— В книжке пишешь?! — возмущенно встрепенулась дама. — Ну, ты даешь! Да разве можно в книжке писать?! Тебя что, в садике не научили, как нужно к книгам относиться?!

Я испуганно замираю, видимо, книги писать нельзя. Может, это опасно? Вероятно, можно столь сильно заблудиться в мечтах, что и не вернуться потом обратно к маме и папе. Вот так и останешься навсегда в том фантастическом мире. Да и неизвестно, как там оно всё в результате сложится. А может, книги нельзя писать только детям? Ведь не дает же мне мама смотреть кино по телевизору после отбоя, а сами смотрят. Может, книги позволительно только взрослым писать? Поскорее бы вырасти!

— Ну, так. Покажи-ка мне испорченную книгу, — командует высокая дама.

Я пугаюсь и смущаюсь еще больше. Уши вспыхивают красными фонариками и начинают пульсировать. Я не могу показать ей то, что она требует, у меня нет никакой испорченной книги или, может, на самом деле есть, а я просто не знаю?

Видя, что заторможенный и, скорее всего, умственно отсталый ребенок окончательно впал в ступор и, судя по всему, не способен осознать сказанного, дама, шумно вздохнув (и с какими только идиотами приходится иметь дело!), берет инициативу в свои руки. Ее когтистые пальцы с длинными алыми «наконечниками» быстро пролистывают «Живую шляпу» и «Синичкин календарь». Не обнаружив никаких страниц, изувеченных каляками-маляками слабоумной малолетки, дама вопросительно смотрит на меня долгим изучающим взглядом.

— Ну и где? Где, я спрашиваю? Чего ты понаписала? В какой книге?

— Вот, — выдавливаю я из себя и протягиваю Хозяйке Медной горы мой заветный блокнот, испещренный разноцветными записями, рисунками и схемами.

Страницы пронумерованы моей уникальной ручкой с бирюзовыми чернилами, но только до десятой, а потом отсчет идет заново, всё потому что цифру одиннадцать я еще могу написать, но дальше путаюсь. Дама высоко вскинув тонкие брови-ниточки, скептически зачитывает: «Стр. 1 "Бабин агарод". Стр. 2 "Бак и вода"». Я разглядываю свой корявенький почерк и вдруг только сейчас, когда мои записи находятся в чужих руках, ясно осознаю, что буквы «Б», «Г» и «К» развернуты в неправильную сторону. Жгучий стыд колотится в горле, но исправить уже ничего нельзя, ведь дама, конечно, уже заметила мою оплошность.

На странице номер три нарисован портрет моего волшебного друга, а затем на следующих трех страницах схематично указано, как мы ныряем в бак, переносимся под землей по волшебному тоннелю и выныриваем на морском побережье. «Стр. 7. "Небо. Остров"». Далее идет схема интерьера пещеры и план острова с помеченным жирным красным крестом тайным местом, где живут крошечные луговые феи с прозрачными крылышками.

— Ну, и что все это значит?

— Просто моя книга... я там рисую, думаю и пишу... ее...

Голос мой куда-то пропадает и я, совсем задохнувшись на последнем слове, умолкаю и опускаю глаза в пол.

— Думаю и пишу?! — изумленно повторяет мои слова высокая дама, так сильно вытаращив глаза, что мне становится страшно. — Ты что, хочешь сказать, что ты книгу пишешь?! Сначала вообще-то не мешало бы научиться буквы правильно писать!

Дама запрокидывает голову с высоким начесом и долго, невыносимо долго хохочет открытым ртом, уже не задерживая на лице холодно-любезной маски участия. Пытаясь завершить смеховой каскад, немного снижает громкость, но едва бросив на меня взгляд, взрывается снова и снова.

Да, я в глубине души ее понимаю, я же видела себя в зеркале. Действительно, есть от чего повеселиться: не по возрасту низкорослая, полная, словно медвежонок (сказывается бабушкина опека буквально с самых первых дней моей жизни). Круглолицая некрасивая девчонка с маленькими раскосыми, как у китайчонка, глазами (тут уж дедушкины татарские корни, видимо, вмешались). Густой жесткий ежик коротко остриженных волос, которые торчат соломой как попало и никак не хотят укладываться. Хуже, чем прическа, уродует меня старая ночнушка, что стала не только коротка, но и тесновата, и поэтому обтягивает мои нежные пухлые тела, делая фигуру похожей на толстую гусеницу. А главное, это колючий взгляд, который почему-то так смущает и бесит всех окружающих.

Наконец, женщине с трудом удается унять приступ смеха, и она протягивает мне сверток, что все это время, оказывается, лежал на моей кровати:

— Ну-ка, на вот. Тут тебе родители новую пижаму передали. С Новым годом, кстати, писательница! Пойду, повеселю народ. Ну это надо же, «книгу пишу»!

Высокая дама растворилась в сумраке больничной вселенной, а я остаюсь в полном душевном раздрае, меня словно накрыло и придавило тяжелой мутной волной. Спасение только там, на волшебном острове, где в водопаде водятся зеленокожие русалки, русалы и русалята. Зато теперь я знаю, как будет выглядеть,

разговаривать и вести себя злобная могущественная колдунья. У нее будет высокий начес, длинные кроваво-красные когти и огромный магический перстень «Глаз дракона», а мы с моим заветным другом будем с ней яростно сражаться за наш и только наш остров и, конечно, в конце концов, победим. Ведь искренность и добро непременно должны побеждать надменное зло, и в нашем мире будет именно так.

Расстелив подарочную пижаму на кровати, я рассматривала ее, как интересную историю в картинках — комикс, правда, тогда я еще не знала, что это такое. По белому фланелевому полю бегали и прыгали, играли в футбол и бадминтон очаровательные веселые поросята. Нарисованные хрюшки выглядели столь уморительно, что я невольно улыбнулась и настроение заметно улучшилось. Спать в новой одежде было приятно, как в объятиях кого-то нежного и любящего. Прижав к груди рыбку, сплетенную из капельниц, я падала в мягкий сладкий сон.

Неделю назад папа сказал, что в выходной я пойду на елку, а завтра как раз наступает долгожданная суббота. После двухнедельного больничного заточения, надвигающийся праздник казался чем-то совершенно нереальным. На сером линолеуме пола пролегла серебристая дорожка. В мою одинокую келью заглянула круглая луна, похожая на Шалтая-Болтая из малопонятной, пугающей, но все же любимой книжки «Алиса в Зазеркалье». Луна подмигнула нам с рыбкой по-дружески и поманила к себе тонкой, как у скелетика, рукой. Мне совсем не было страшно, ведь со мной была папина рыбка. Я встала на лунную дорожку и вдруг поняла, что это светящийся подиум, ведущий прямо на небеса, прочь из опостылевшей «инфекции» с ее позорными клизмами, горьким лекарством, больночими уколами и неприветливыми санитарками.

Вдруг полупрозрачная рыбка, которую я все еще прижимала к груди, шевельнулась и спросила:

— А что бы ты хотела получить на Новый год?

Я задумалась. У меня было так много желаний, что я не могла остановиться на чем-то одном. Давно уже хотелось такие же лаковые туфельки, как у соседской девочки Лены, живого котенка, чтобы играть с ним, гладить, чесать за ушком и слушать,

как внутри его теплого пузика тихо урчит маленький живой моторчик. Но больше всего мне хотелось, чтобы мама родила сестренку. В своих мыслях я уже назвала ее так же, как бабушку — Ниной, и придумала, что она будет такой же доброй и героически бесстрашной. Да, мне необходима была именно сестра, ведь, по словам бабушки, с мальчишками нет никакого сладу. А уж бабушка-то знает, о чем говорит, — всю жизнь «в няньках» проработала.

Легко паря над мерцающей туманной взвесью, глянула на ночное светило. Оно было цвета желтоватого воска, какой бывает на самой верхушке горящей свечи. Я взмолилась: пусть это будет умная и добрая девочка! Но вместо шалтайского лунного лица вдруг увидела мою сплетенную из прозрачных трубочек рыбку, плавающую в бескрайнем звездном океане. Она стала вдруг огромной, светящейся и одобрительно взирала на меня круглым всепонимающим глазком. До рождения второй Нины в нашей семье оставалось еще семь долгих месяцев.

Да, права была бабуля, никакого сладу с этими мальчишками, действительно, не было. Хорошо, что мой заветный друг-островитянин был совсем другим. В соседней палате частенько творилось нечто невообразимое: подушечные бои, обливание водой, настойчивый стук в стекло:

— Жиртрест, выходи!

Однако самым неприятным было не то, что они постоянно обзывались, шумели и не давали покоя, а то, что нещадно издевались над маленьким Олежкой, щуплым детдомовским мальчиком, заступиться за которого было некому. Моих смешных угроз и жалоб лечащему врачу хватало ненадолго. Жестокие озорники стягивали с мальчика штанишки, отбирали пряники, единственное лакомство, что полагалось здесь к полднику. Сегодня я наблюдала, как они спрятали больничные не по размеру большие Олежкины шлепанцы под его же подушкой, и без усталости потешались над тем, как он, излазав всю палату, тщетно пытается их отыскать. Самый крупный и злобный хулиган периодически барабанил в стеклянную перегородку между палатами, приглашая и меня насладиться зрелищем:

— Эй, жирная, глянь — инкубаторский свои ласты потерял.

Чтобы аттракцион не прерывался, шалуны стимулировали по-иски запугиванием, мол, да ты, шибздик, себе даже представить не можешь, что тебе будет за потерю казенной обуви! Из больницы выгонят и в детдом нажалуются. Мальчик молча плакал, поджимая губы и уже по десятому кругу обыскивал углы комнаты. Мое сердце с болью сжималось от бессильной жалости, а пацаны лишь глумливо гоготали над жертвой, не желая прекратить издевательства. Я кинулась стучать в окно, крича что есть сил:

— Олежка, твои тапки под подушкой! Под подушкой! Посмотри! Я видела, как они их туда сунули!

В ответ мальчишки прыгали на кровати, закрывая меня своими спинами и громко на все лады горланили, пытаюсь заглушить мой голос. На всеобщий гвалт в их палату ворвалась лютая санитарка Люда, которую боялись как огня все, включая, наверно, даже врачей. После хриплого окрика: «А ну, заткнулись, черти!» — они, наконец, угомонились. Олежка лег на кровать, укрывшись с головой тонким одеяльцем, и отвернулся к стене. Источник веселья самоустранился, ведь свирепая Люда теперь начеку. До обеда еще далеко, и занять себя мальчишеской банде было абсолютно нечем.

Я достала из тумбочки принесенные папой поделки его пациентов и стала играть ими на глазах у пацанов. Мои персонажи, сплетенные из капельниц, прыгали по тонкому подоконнику нашей прозрачной межкомнатной перегородки, пели, спорили и даже пытались подраться. Шесть круглых детских рожиц, включая Олежку, приникли к стеклу. Получился почти настоящий кукольный театр. Вскоре я незаметно для себя начала разыгрывать спектакль, очень напоминающий сказку Пушкина о рыбаке и рыбке. Рыбка имелась практически такая, какой ей и положено быть, роль старика исполнял глазастый чертик, а сварливая старуха была в виде жутковатого осьминога. Ну, впрочем, так ей и надо — сама же мечтала стать владычицей морской!

Маленькие зрители смотрели, открыв рты, а Олежка, чуть осмелев, смущенно спросил:

— А рыбка и вправду умеет желания исполнять?

— Правда! — кивнула я уверенно и обратилась к остальной братии: — А вас, если будете маленьких обижать, превратит в червяков. Она волшебная!

Компания возбужденно хохотнула. Мне, конечно же, никто не поверил, но от Олежки все удивительным образом отстали.

Заскрипела и стукнула дверь, зрителей как ветром сдуло. В комнату, неожиданно-негаданно, впорхнула моя прекрасная мама. Вместе с ней в затхлую камеру ворвался тревожный аромат надежды и дальних странствий. Что это было: жасмин, ирис, пион или сандал? Сложно теперь сказать. На сдержанном фоне советских будней мама всегда была словно экзотическая принцесса, совершенно выпадающая из всяческих норм. Она шуршала какими-то пакетами, разворачивала свертки. Я никак не ожидала ее увидеть, оттого совершенно оторопела. К слову сказать, в детстве нам с сестрой видеть маму доводилось гораздо реже, чем хотелось бы.

Она влетала словно огромная сказочная жар-птица, такая красивая, яркая, громкая, властная, требуя немедленно повиноваться, а не стоять столбом:

— Так, сейчас поведу тебя на утренник. Там все дети будут в костюмах. Мы никаких нарядов не приготовили. Но зато я все придумала. Пижама у тебя соответствующая. Ты наденешь вот это. Будешь, так сказать, в образе.

Мама порывисто протянула мне старую новогоднюю маску поросенка с маленькими круглыми прорезями для глаз. Я только что-то неопределенно промычала в ответ, не зная как реагировать на происходящее. С одной стороны, мне не терпелось вырваться из больничного заточения, но появиться на празднике в мятой пижаме, в которой я только что спала, было все же как-то неловко. Но маму уже занимали совсем другие моменты:

— Так, смотри там не ляпни кому-нибудь, что ты из «инфекции» явилась!

— А мне правда уже можно выходить отсюда? — не верила я своему счастью.

— Конечно. Ты уже не заразная. Но выписку тебе только в понедельник дадут. Поэтому я тебя послезавтра заберу вместе с выпиской. А вот, глянь-ка!

Мама, как факир, достала из маленького бумажного пакета целый ворох сверкающего елочного дождика. По крашеным стенам

палаты, по стеклам и даже по потолку побежали волшебные живые искорки, обещая невероятное веселье.

— Так. Сейчас тебя приукрасим, — с этими словами мама накинула мне на шею мишуру, словно пушистый блестящий шарфик. — А вот это можно приделать вместо хвостика. — Она легким взмахом выпустила из ладони длинную спираль золотого серпантина. — Вот только оторву кусочек, и будет как настоящий поросячий хвост — крючком.

Перспектива щеголять на всеобщем обозрении с обрывком мишуры приделанной к пижамным штанам меня вообще не обрадовала. К величайшей моей радости приладить деталь не удалось, потому как родительница не взяла с собой иголку и нитки. По своему обыкновению, мама нередко забывала нечто самое необходимое, нагружаясь совершенно ненужными малозначимыми безделицами. Так вышло и в этот раз, невостребованный ворох искристого елочного убранства так и остался потом лежать в моей бывшей палате, напоминая о далеком и недостижимом счастье.

На меня накинули тонкое казенное одеяльце и повели в неизвестные дали. Мы спустились в полутьму подвала и шли длинными узкими подземными коридорами. Казалось, что из каждого черного затхлого угла может в любой момент вывалиться отвратительный мертвец или чудище из самой страшной сказки. Ведь недаром тошнотворный запах из их отверстых пастей преследовал нас по пятам. И только бодрый и непобедимо оптимистичный стук маминых каблучков отпугивал враждебную нечисть, заставляя пристыженно таиться в темноте.

Лишь слабый холодный лунный свет, заключенный в пыльных лампах мерно-утешающе жужжал, указывая нам путь к спасению. Мамины каблочки цокали по каменному полу, а я бежала за ней. Ноги, отвыкшие от долгой ходьбы, словно онемев, слушались плохо. Я задыхалась, но не смела жаловаться.

Наверное, так же чувствовала себя отважная Дюймовочка, сбегая из-под надзора ушлой тетушки Мыши и несостоявшегося супруга Крота в другой, свободный мир эльфов, полный солнечного воздуха, цветов и любви. Пугающими сумрачными ходами стремилась я на неведомый праздник, который даже не могла

себе представить. Нет, я, конечно, бывала — и не раз — на детсадовских утренниках, коим предшествовала изнуряющая жесткая муштра, словно нас готовили к военному параду. Но изученный сценарий шел по раз и навсегда установленному порядку: танец снежинок, наряженная в морозного деда воспитка, отчего у псевдо-старика каждый раз выпирал женский бюст, извечное «елочка, зажгись», одни и те же зазубренные стишки за конфету. Отвращение к обязательке корпоративных празднеств выработалось во мне чрезвычайно рано, и ровно тогда же я научилась ловко изображать дежурную радость, чтобы не расстраивать руководителей.

Но вот только сейчас, наверняка, будет нечто совсем иное, совсем настоящее. Ведь невозможно же в самом деле из такого-то жуткого подземелья вынырнуть и попасть в знакомую, пропахшую молочной кашей рекреацию подготовительной группы.

Однако я жестоко ошиблась. И затрапезный актовый зал, и закутанная в блестящую мишуру елка, и набившие оскомину песни с прибаутками — все было удручающе банальным.

Первое, что я увидела, — непроглядный забор из человеческих спин. В ближнем круге стояли дети, тесно окружившие елку, а в дальнем — взрослые, зорко следящие за своими чадами и беспрестанно дающие советы: «Громче говори! Ближе к елке подойди! Корону поправь!» Стульев, как в садике, никаких не было, ни больших для пап и мам, ни маленьких для ребят.

У елки суетились две сумасшедшие тетеньки: одна изображала снеговика, вторая, жутко раскрашенная, была в образе Бабы Яги. Снеговик, точнее снежная баба, о чем-то энергично спорил с чумазой каргой, призывая зрителей активно участвовать в выяснении их отношений. Из нарочитых гортанных реплик, обращенных почему-то не к друг другу, а в толпу, я поняла, что лесная отшельница украла мешок с новогодними подарками. Было не совсем понятно: на кой ляд он ей сдался, ежели старая канибалка во всех сказках пытается закусить заплутавшими в лесу детьми или добрыми молодцами.

Мама уверенно вытолкнула меня в «детский» круг, мне пришлось нехотя покориться произволу, хотя с удовольствием бы сейчас забилась в дальний угол, закрыв глаза и уши от творящегося вокруг хаоса. Я оказалась рядом с двумя нарядными

девочками в пышных красивых платьях с рюшами. Обе они, видимо, были принцессами, потому что на одной был сверкающий голубой парик из дождика, а голову второй украшала почти настоящая корона из золотой фольги.

Девочки, скептически меня оглядывая, задорно шушукались и посмеивались. Вдруг коронованная особа спросила меня, то и дело зыряка на подругу хитрым прищуром:

— А ты почему в пижаме? У тебя что, нормального платья нет?

— Это не пижама, а костюм поросенка, — пояснила я.

— Кого? Поросенка?! — дуэтом переспросили принцессы и прыснули от смеха.

Я надвинула маску, чтобы спрятать свои горящие пунцовые щеки. За этим картонным щитом стало гораздо легче. Если опустить глаза, то можно оказаться в теплом сумраке, пахнущем канцелярским магазином, а если взглянуть на мир через маленькие круглые дырочки, то можно успокаивать себя тем, что никто не видит лица, а значит и меня, вроде бы как, и вовсе здесь нет.

Существует один из самых, наверное, распространенных кошмаров, когда человек видит себя голым, внезапно оказавшимся в столь непотребном виде посреди народа. Поверьте, оказаться наяву в ночной пижаме на многолюдном празднике, среди красиво одетых сверстников — тоже не слишком весело. В отчаянии я ринулась туда, где толпа погуще, ведь там будет менее заметно, кто в чем одет.

Вдруг присутствующие надрывно завопили: «Дед Мо-оро-оз!» После настойчивого троекратно повторенного призыва, в зал вплыл настоящий, а не поддельный детсадовский морозный дед. Это был высокий статный широкоплечий мужчина с низким чарующим баритоном. Он находился в явно приподнятом настроении, потому как пританцовывал, балагурил, загадывал загадки. Лишь одним ударом волшебного посоха он разобрался с вороватой ведьмой и вернул детям их вожделенные подарки.

Несмотря на синий атласный, расшитый блестками костюм, белые букли и пышную бороду, я, конечно, сразу узнала папу. Удивляло не то, что он вдруг вздумал изображать из себя волшебника, а то, что он совершенно не обращал на меня внимания.

Вместо этого его больше занимали глупые разговоры с чужими мальчиками и девочками.

Казалось, что в этот момент происходит самая страшная и непоправимая в жизни трагедия — буквально на глазах мой папа переставал быть моим папой: «А вдруг он уйдет от меня, решив навсегда остаться Дедом Морозом?!»

Забыв про свой непрезентабельный вид, я решила пробраться поближе и, заглянув в его глаза, лично удостовериться в вероломном предательстве. Сняв по дороге дурацкую маску и усиленно орудуя локтями, мне удалось протиснуться почти вплотную. Длинные чернющие папины ресницы были замазаны чем-то отвратительно белым. Но глаза улыбались и светились счастьем так, что сомнений у меня не осталось: папа превратился в сказочного Морозко и, скорее всего, я вижу его последний раз в жизни.

Горластая ребятня прыгала вокруг него, и он щедро одаривал вниманием каждого, а по мне лишь пару раз чиркнул взглядом. Эти чужие, разодетые, злые дети отбирали сейчас у меня самого дорогого, жизненно необходимого человека, а я ничего не могла с этим поделать. Я ведь так сильно скучала по нему в том долгом-долгом для детского восприятия больничном одиночестве, а он не приходил ко мне целых три дня. Оказывается, за эти несколько дней он решил круто изменить жизнь и податься в волшебники! Действительно, такой красивый и остроумный папа не может принадлежать лишь мне одной, он должен обогревать своим добрым обаянием всех-всех на свете детей. Вон, как он безмерно счастлив с ними!

Не в силах больше выносить грызущих меня ревности и обиды, я решительно и громко спросила, глядя в его лицо, обрамленное белоснежными кудряшками:

— Папа, это же ты?!

Но родные, знакомые с рождения глаза округлились и приняли непривычное выражение крайнего удивления. Кажется, он впервые не знал, что ответить.

— Поросенок, твой папа — свин! — услышала я позади безжалостный приговор двух знакомых принцесс в шикарных платьях.

Вместо того чтобы обнять меня, как обычно, тем самым поставив на место заносчивых зазнаек, папа ответил чужим деланно-бодрым голосом:

— Нет, девочка. Я — Дед Мороз. Ты выучила для меня стихотворение?

После этих слов все уставились на меня и чего-то ждали. Ждал и изуродованный нелепым костюмом папа. «Чего им надо от меня? Почему они все на меня так угрожающе смотрят?» — удивилась я. «Стишок-стишок», — подсказали с разных сторон. «Ах, стишок!» — дошло до меня наконец. Не мигая глядя в лучистые папины глаза, я прочитала последнее четверостишие нашей совместно прочитанной когда-то книги, как бы укоряя его за боль и унижение, которое сейчас испытывала:

Береги свои игрушки,
Помни сказку о лягушке,
Будь хорошим да гляди
На болото не ходи!³

В ответ папа протянул мне конфету, но сделал он это не как родной человек, а как чужой незнакомый дядька с улицы, но у меня не хватило духу оттолкнуть дорогую руку. Осторожно, словно живого жука, я взяла подаяние и побрела прочь, снова надвинув на лицо спасительную маску, чтобы никто не видел душивших меня слез, которые предательски текли двумя ручьями и катились даже по шее за ворот ненавистной пижамы. Я догадалась, что из-за моего неказистого вида он больше не любит меня, ведь ему даже стыдно было признать меня при людях своим ребенком. Разве так должна выглядеть девочка, у которой папа — самый известный в мире волшебник?!

Мама нагнала меня уже на выходе из зала. Задыхаясь, я лишь смогла прошептать:

— Уведи меня отсюда.

Но мама поняла эту просьбу по-своему:

³Василий Нечунаев «Сказка о заводной лягушке».

— Так, ты чего выделяешься?! Сейчас будут хоровод водить, а потом конкурс карнавальных костюмов. Зря, что ли, мы тебя наряжали?!

Продолжения столь извращенной пытки я уже выдержать не могла. Сунув в мамину руку размякшую конфету, порывисто устремилась по коридору туда, откуда мы вышли, а потом вниз по лестнице в подвал. Пусть лучше меня загрызут жуткие подземные монстры и мертвецы из больничного морга. Зато там можно будет дать волю слезам и больше не притворяться тем, кем на самом деле не являешься.

Я даже ни на секунду не надеялась на то, что мама последует за мной. Она никогда в жизни не шла мне ни на какие уступки. С чего бы сейчас ей идти у меня на поводу? Каждый мой каприз душил в зародыше одним лишь ее царственным взглядом, а если еще ко всему следовала высоко вскинутая изогнутая бровь, то это было уже последнее предупреждение перед страшной неминуемой карой. С мамой спорить было опаснее всего. Не знаю, что именно она бы сделала со мной: испепелила взглядом, убила молнией из гневных глаз? Не знаю. После поднятия ею брови я обычно предусмотрительно сдавалась и потому до самой страшной жути у нас пока не доходило.

Но сегодня мне было все равно. Пусть испепелит, пронзит молниями, назад в этот позор на всеобщем обозрении я не вернусь. К моему глубочайшему удивлению, мама двинулась за мной, на ходу с кем-то прощаясь, успев, однако, заметить:

— Да вот, что-то наша барыня сегодня не в духе. Пойдем, пожалуй.

Уже в палате она от души бранила меня, пытаюсь устыдить: «Да что на тебя сегодня нашло?! Какая муха укусила?! Все дети как дети, а эта – как дикарь, в самом деле! Только и можешь, что родителей позорить! Бука, чеснослово!» Тогда еще не было в моде термина «аутизм», «аутичный ребенок», в те времена с детскими «капризами» вообще не слишком-то церемонились. По мамину мнению, я была просто дикая, и эту дикость она выжигала из меня каленым железом, с легкостью обходясь без детских психологов. За что сейчас ей могу сказать огромное спасибо.

А тогда, я лишь понимала, что очень сильно огорчила родителей, особенно маму. Может быть, тем, что не такая изящная, как она, и тем, что у меня нет такого прекрасного профиля, где прямой нос с едва заметной горбинкой придает всему облику утонченное благородство. Никогда не будет у меня столь шикарных тяжелых кос, которые складываются вокруг головы в природную корону, а главное тем, что боюсь большого скопления людей и совершенно не умею вести себя. Теперь все было ясно: я очень-очень плохая.

Мама ушла, доведя себя до крайней точки раздражения, а я вновь осталась одна в моей пустой неприветливой палате. Но теперь почему-то не чувствовала острой несвободы, как было совсем недавно, еще с утра. Наоборот, лишь только за мамой захлопнулась сердитая дверь, я поняла, что рада окунуться в насыщенное мечтами и образами сказочное одиночество. Почувствовав себя Звездным мальчиком⁴, что вынужден скрывать от всех свое уродство, я словно соприкоснулась с величайшей тайной и сама стала частью волшебного мира.

До самого отбоя я размышляла, вплетая новогодние «дождевики» в длинные прозрачные пряди плавников и хвоста моей «Золотой» рыбки, сделанной из старых капельниц. «Может быть, теперь они совсем не захотят меня видеть», — приходили в голову невеселые мысли.

Вскоре мои самые страшные предположения начали сбываться. На выходных всех маленьких пациентов разобрали по домам. В отделении остались только я и детдомовский Олежка. Мальчик часто подходил к стеклянной перегородке, разделяющей наши камеры, и просил показать ему игрушки или страницы детских книжек. «Вероятно, родители решили сдать меня в детдом так же, как этого беднягу. Не зря мама уже как-то грозила этим. Кажется, из-за моего острого нежелания ходить в детский сад или на фигурное. А ведь она зря слов на ветер не бросает. Всё! Теперь буду жить без семьи, и злые мальчишки будут издеваться надо мной, как над несчастным маленьким Олежкой», — от страшных

⁴Сказка Оскара Уайльда «Звёздный мальчик» («Мальчик-звезда»).

омертвляющих мыслей сердце мое рвалось на части, я горько безутешно рыдала и не спала, пляясь до самого рассвета в черный квадрат окна.

Нежданно-негаданно в воскресенье за мной приехала бабушка, моя вечная спасительница. Медсестра удивленно вопрошала:

— Как же, ведь ее хотели в понедельник забрать вместе с выпиской.

— Сами пускай бумажки свои забирают, — под словом «сами» бабуля, видимо, имела в виду моих родителей, коих изначально считала «непутевыми». — А то ишь, занятые шибко! Ничо-ничо, а мы щас с тобой, доча, домо-ой поедем!

На прощание я передала медсестре рыбку с вплетенными в ее полупрозрачную «прическу» сверкающими нитями и попросила передать мальчику Олежке из второй палаты. Девушка понимающе кивнула.

В тепло натопленном добром дедушкином доме меня ждали блины с начинкой, пушистая сибирская кошка Мома и долгая психологическая реабилитация. Словно узник какой-то специальной тюрьмы для непослушных детей, я долго не могла привыкнуть к обычной жизни, к ласковому обращению, неусыпному бабулиному вниманию и рассказам про «ранешнюю жись»:

— Ты ж малюсенькая родилась, недоношенная, всего два килограмма. Думали — вообще не выживешь. Уколы какие-то страшные тебе в голову делали. Ой, беда! Зато разговаривать ты так рано начала, да сразу так складно, что люди пугались. А щас-то вообще — любо-дорого! Кукла ты моя каменная!

— Бабушка, а кто такая каменная кукла? Хозяйка Медной горы, что ли?

— Да, это как статуя мраморна, краше которой нет никого. Только любовацца не дыша и всё.

Однако такое сравнение, что, по бабулиному замыслу, видимо, должно было меня подбодрить, на самом деле только напугало. Я несколько раз видела скульптуры в парке. У голенастых горнистов и пионеров были пустые белые, совершенно мертвые глаза и отбитые носы. Я не хотела быть статуей, пусть даже и мраморной. В своих детских мечтах я была то феей, то русалочкой, то жила в джунглях вместе с Маугли, а еще всегда была

отчего-то уверена, что могу летать и когда-нибудь обязательно улечу отсюда далеко-далеко. Видя мое смятение, бабушка привела свой извечный, безотказно работающий мотивирующий аргумент:

— Ты ж на отца похожа, значит, счастливая будешь!

Счастье случилось тем же летом, душным и не по-сибирски жарким. В самом конце июля родилась сестренка, которую я назвала Ниной, и семейство беспрекословно со мной согласилось. Ее рождение переполошило весь роддом, медперсонал ходил смотреть на нее словно на чудо, столь необыкновенно красивой девочки там еще никогда не рождалось. Нина появилась на свет с пышной шевелюрой, длинной, почти до середины спины. Светло-пепельные волосы отливали голубым и стояли, словно сумасшедшая родительница сделала новорожденному ребенку начес. Помнится, когда малышке стукнул годик, одна нервная старуха, увидев этакое диво, даже отругала маму на весь автобус. Доказать горластой злюке, что ребенок родился с такой копной, так и не удалось.

Сестренка тарачила огромные круглые серебристо-серые глазенки и улыбалась миру, отчего сразу на обеих щеках у нее появлялись очаровательные ямочки. Я полюбила ее с первого взгляда, почувствовав непобедимое кровное родство, которое невозможно разорвать ни временем, ни даже самой смертью. С энтузиазмом, которого от меня никто не ожидал, я принялась нянчиться с новорожденной: качала ее в коляске, держала бутылочку с молоком и рассказывала ей свои сказки. Она смотрела на меня неотрывно, внимательно слушая, и казалось, будто все понимает.

Мама и папа кружились вокруг нее, хлопоча и подскакивая по первому требованию, и я невольно могла сравнить: именно так вращалась вокруг меня жизнь в дедушкином доме и никогда в отчем. К сожалению, мои родители созрели для родительства лишь ко второму ребенку. Ну, хорошо хоть у моей младшей сестры с самого рождения будут нежные и заботливые, а не только строгие отец с матерью. У меня же источниками абсолютной любви были «мама старенькая» и «папа старенький», как с младенчества я называла бабушку и дедушку. Удивительно, что в свои шесть с половиной лет я понимала столь сложные нюансы взаимоотношений.

В том сентябре я пошла в первый класс. К тому времени в моей тайной тетради накопилось уже множество рисунков и сказок, которые я записывала, как могла: о зачарованном острове, о дружбе с озерными русалками, о невидимых детях, что живут в заброшенном доме, о космическом путешествии, которое никак не хотело заканчиваться. Никто на свете, кроме меня и моей сестренки, так и не узнал этих историй.

Со школьной линейки первого сентября я пришла морально опустошенной и раздавленной. В тот день мне стало ясно, что моя жизнь не будет легкой и волшебной, как я себе придумывала. Никто не даст мне заниматься тем, чем я хочу. Пытку «фигурным» заменит рутина обязательного среднего образования, которую потом сменит еще что-то гораздо более страшное и ответственное, а мои сказки навсегда останутся чем-то ненужным и совершенно лишним. Примерно тогда и приключился со мной странный случай, который и по сей день не могу забыть.

Снилось мне, что Луна зовет меня, а я то ли иду к ней навстречу, то ли парю над землей, лишь имитируя движение. Я стремилась прочь из дома, ни капли не сомневаясь в правильности этого решения. С каждым шагом я словно становилась легче. Казалось, что отворилась закрытая ранее дверь и я двинулась по узкому лунному коридору. Вот-вот, уже совсем скоро я взлечу над притихшим ночным городом. Поплывут подо мной живые бисерные нити автострад и россыпи мерцающих, никогда не спящих кварталов. А я, задыхаясь от эйфории, поднималась вверх, к заждавшейся меня Луне, понимая, что и сама скоро стану такой же бледно-серебристой небесной жительницей. Шелестящий шум в ушах рвущейся на волю души незаметно перешел в тихий шепот о несбыточном счастье.

Утром папа рассказал об удивительном происшествии, что приключилось прошедшей ночью.

— Лежу я, — говорит, — и чувствую, будто меня толкнул кто-то. Вдруг вижу, дверь в спальню отворилась иходишь ты. Идешь, как по воздуху плывешь, ни половица под тобой не скрипнет, ни топота, ни шороха. Подошла сначала к Нининой кровати, наклонилась над ней, погладила по головке, будто прощаясь. Дальше двинулась через комнату и всё без единого звука.

Начало сентября 1974 года в накале душного марева не уступало лету, поэтому балкон и все форточки в квартире на ночь не закрывались, а про кондиционеры мы тогда и слыхом не слыживали.

— Только пошла ты не мимо, — продолжал папа, — а, как будто дух невесомый, вспорхнула на спинку нашей с матерью кровати. Я ее толкаю, а она спит как убитая, умаялась с малышкой за день. Ты просеменила на носочках по бортику, как гимнастка по спортивному бревну, и шнурь на балкон. Я за тобой.

Пока из кровати вылез, глядь, а ты уже стоишь на балконных перилах, а они ведь такие хлипкие! Лицом на луну уставилась и руки вверх тянешь, как к живому человеку. Вижу, глаза у тебя закрыты, значит спишь. Ну, думаю, спасать надо дочку. Испугался за тебя очень, боюсь скрипнуть, разбудить нечаянно. Подошел к тебе тихонько, взял под «крылышки» и осторожно в твою комнату унес. Уложил в постельку, ты даже не проснулась. Посидел еще рядышком минут десять, ну слышу, сопишь ровно. Миновала, видимо, беда. Пришлось дверь на балкон закрыть. Вот теперь придется мне тебя от луны охранять.

— Зачем? — искренне удивилась я.

— То есть как это зачем? Да чтобы ты от нас на луну не сигнула. Как я тогда без тебя жить-то буду!

— Папа, а ты меня, что ли, любишь?

Он пристально заглянул в мое лицо, так, словно не расслышал или не понял то, о чем я спросила. В его добрых глазах горели горячие золотистые звездочки. Папа порывисто обнял, шутливо ероша мою выгоревшую за лето челку:

— Ну, а как же?! Конечно, люблю! Ты же ребенок мой, моя старшенькая!